

НЕОПОЗНАННАЯ КУЛЬТУРА

ГНОСТИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ*

Александр Иванович Неклесса

председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем. Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС, член Совета Школы РЕПНОЕ

*Tua res agitur***

*You've heard about clash of civilizations,
But what is the sound of one-civilization clash?*

Перейдя невидимый Рубикон, мы, наконец, вдохнули воздух нового века, вопрос лишь в масштабах перемен, а не в их наличии. Не думаю, однако, что суть происходящих на планете драматичных событий может быть исчерпывающе объяснена борьбой между хорошо известными идеологиями, религиями, цивилизациями; скорее, это столкновение с прорастающим сквозь плоть современного мира будущим, с непознанным пока Новым миром, противопоставившим себя уходящей в Лету культуре. На исторических подмостках кризису и нисхождению двухтысячелетней цивилизации, ее «немой борьбе» с безликими, неотчетливыми персонажами, противостоят попытка нового прочтения ее начал и одновременно – кристаллизация совсем иной системы ценностей.

Кризис культуры Большого Модерна назревал не один год и не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком поиска нового миропорядка. При этом, однако, триада социальных проектов века – коммунизм, фашизм, глобализм, – заменивших религиозные ереси и конфликты былых столетий, по мере своего развертывания проявляли внутреннюю ущербность, трансформируясь из утопий в антиутопии. Символом же конца современной цивилизации либо ее фундаментальной метаморфозы стали трагические события 11 сентября 2001 г. Социальная организация в ее нынешней версии, проявив перед лицом анонимной агрессии сначала впечатляющую беспомощность, а затем, предприняв гипертрофированную акцию возмездия, продемонстрировала неадекватность всего корпуса идеологем, институтов, систем управления и безопасности характеру возникающей реальности и исходящих от нее угроз. Мировой андеграунд, многоликий и многомерный, эффектный и неукротимый, постепенно стал влиятельным участником игр на глобальной шахматной доске. Системный терроризм – это своего рода стиль жизни, освобожденной от пут прежней культуры и морали; его субстрат – конгломерат фрустрированных, испытавших культурный шок персонажей и организационных компонентов прежнего мира, прямо и косвенно управляемых представителями новой культуры. Дальнейшее развитие данного феномена стимулирует применение широкого спектра репрессалий в международной практике и становление новой, нестационарной системы международных отношений.

Социальная механика Старого мира, реализовав проект создания на земле – пусть в ограниченном масштабе – «позолоченного века», потерпела, тем не менее, фиаско, оказавшись не в состоянии разрешить центральный вопрос: о человеческой свободе и ее горизонтах. И как результат – не смогла предложить обществу путь обеспечения безопасности, не превращающий членов этого общества в заложников той или иной тоталитарной тенденции. Дилемма свободы стала ключевой проблемой нового века: оказалось, что механизмы безопасности равно зависят как от технического совершенства инструментов и процедур, так и от мировоззрения активно действующей личности, от состояния человеческой психики и морали. Секуляризация общества и сознания, – расколов мир, – обернулась вместе с тем стерилизацией прежнего мироощущения, культурных начал христианской цивилизации. Ее логика с неизбежностью предопределяла легализацию иных кодов бытия, в том числе, заметно отличных от господствующей культуры по степени пассионарности и формам социальной активности. В итоге, вместо оптимистичного сценария благостного конца истории или пессимистичного – планетарного («горизонтального») столкновения цивилизаций, мы воочию наблюдаем смещение времен и «вертикальный» (диахронный) цивилизационный надлом, через трещину которого проглядывает новый мир, с иными законами социального бытия и собственной шкалой ценностей.

Популярная граница нового миллениума – 2000 год, была задолго до ее пересечения окружена шлейфом эйфорических ожиданий, невнятных опасений, конспирологических пророчеств, эффектных и нередко фантазийных прогнозов. Равно как и не слишком уж хитрых, но порою остроумных коммерческих проектов, наиболее успешным из которых стала, пожалуй, «проблема 2000 года». К этой черте истории тянулись, по ней мерили многочисленные внятные и невнятные сценарии, сравнивали расчеты, строили планы. Как и в начале XX столетия рубеж эпох естественно и плавно сместился на год – общественная психея и магия круглых цифр оказались сильнее трезвых аргументов историков, и обогнувшая глобус красочная встреча миллениума прошла с той же упорной абберрацией математической логики, что и за век до этого. В конце концов, сроки исполняются людьми, подчас – не слишком прилежно.

Впрочем, при желании отсчет канунов можно было смело сдвигать еще дальше – вплоть до 1992 г., обладавшего собственной полновесной магией смыслов. Да и 1989 год, отпраздновавший сдвоенный юбилей – два столетия эры «свободы, равенства и братства», не прошел бесследно, поразив воображение современников категоричностью образа занавеса истории. На этом динамичном фоне официальный рубеж третьего тысячелетия – наступление года 2001-го (помеченного в свое время гениальным Стэнли Кубриком) – выглядело достаточно скромной и формальной вехой в ряду прожитых человечеством лет. И встреча его прошла, в целом, тихо и незаметно. Начало века, а заодно и новой эпохи было перенесено на осень.

С приметами исторической новизны мы соприкасаемся повсеместно и постоянно, причем обостренно ощущают это свойство времени уже не только жители постсоветского пространства. Кризис формулы цивилизации, мировоззренческая революция, социальная и экономическая реформация, поиск нового миропорядка, – все было содержанием ушедшего века, однако век новый не слишком медлил добавить к данному перечню свои специфические черты и нелегальные сюрпризы.

Между тем, сталкиваясь с радикальностью происходящих на планете изменений, тем более с их динамичным горизонтом, невольно немеешь, ощущая скудость речи из-за отсутствия адекватных названий, ярлыков, определений для подспудно или взрывчато возникающей феноменологии. Потому, наверное, так плодились в последние десятилетия частицы «пост», «нео», «анти», фиксирующие новизну, но, в сущности, ничего не говорящие о ее характере. Даже привычный «джентльменский набор»: постиндустриальное и информационное общество, социальный постмодерн, конец истории, столкновение цивилизаций, новый мировой порядок, – напоминает сейчас скорее ярмарку тщеславия, чем пророческий дар.

В этом ряду, однако, существует понятие, которое, с каждым годом набирая очки, становилось все более многогранным, полифоничным, неоднозначным. Имя ему – *глобализация*. Лишь с недавних пор осознается различие между глобализацией как тенденцией, определяемой мощью цивилизации, ее способностью эффективно проецировать себя в планетарном масштабе, и глобализмом как определенным цивилизационным стандартом^[1], мировоззрением, имеющим свои теневые стороны и порождающим собственную антитезу – антитоталитарный порыв, отстаивающий право на альтернативное прочтение будущего, – идеологию и движение антиглобализма. Общественное сознание, кажется, уяснило для себя реальность этого последнего мазка кисти века, уже балансируя на грани эпох.

Несмотря на суженный и частично окарикатуренный в СМИ образ, антиглобализм стремительно заполняет некий социальный и идеологический вакуум, доставшийся ему в наследство от прежних популяций антифашизма и антикоммунизма, хотя сам феномен вроде бы восходит на дрожжах многоликого левого движения. Правда, в новых пространствах прежние оппозиции ощутимо смещаются: в ряде акций последних лет, например, совместно участвовали такие непримиримые прежде враги, как анархисты и бритоголовые. Все же мегаломаничность и недружественность по отношению к человеку конструкций глобального капитализма чаще, скорее, ощущается (или прозревается), чем осознается и просчитывается, свидетельство тому – именно пестрый характер и состав этого карнавального движения протеста.

Интеллектуальный и политический круг детей Сиэтла представляют сегодня прославленный сокрушитель одного, отдельно взятого «Макдональдса» французский фермер Жозе Бове и его соотечественница-соратница Сьюзен Джордж, автор культового в данной среде романа-антиутопии «Репорт Лугано»; словенский философ Славой Жижек и бельгиец Ноэль Годен, зачинщик «торговой войны», а также создатель ее теоретического обоснования «Торт и наказание»; мексиканский партизан субкоманданте «Тата» Маркос, творец трактата о «Четвертой мировой войне», и знаменитый «шестидесятник» Режи Дебре... Из «симпатизантов» можно назвать экономистов Фредерика Джеймсона и лауреата нобелевской премии Джеймса Тобина, инициатора знаменитого «проекта Тобина», предлагающего обложить налогом все финансовые транзакции; писателя Габриеля Гарсиа Маркеса и кинорежиссера Оливера Стоуна; актрис Сьюзен Сарадон и Тим Роббинс. Основные организации современных антиглобалистов: «Глобальное движение людей» (400 филиалов), «Атак», «Черный блок» («Антикапиталистический блок»), «Ябаста», хакерское движение «Хактивист», а также система электронного обмена информацией «Индимедиа».

Антиглобализм все же не совсем то, что предполагает его карнавальный образ, предстающий с экранов TV, со страниц газет и глянцевого журналов. Правда и в этом случае, после событий в Генуе в июле 2001 г. антиглобализм уже не воспринимался просто как хэппенинг, как праздничное действо анархистов и маргиналов, но, скорее, – как спонтанный, эмоциональный ответ части общества на культурный шок нового мира, на вызревание в нем определенных тенденций, ответ, в котором присутствует свое «второе дно». Тем более что на протяжении всего десятилетия, пусть менее зрелищно и громко, развивался правый антиглобализм, вершина айсберга которого представлена так называемой «милицией» (*militia, vigilantes*) в США и политическим усилением ультраправых консерваторов в Европе (наиболее яркий пример чему – Австрия). Да и первое, породившее традицию антиглобалистское действо осенью 1999 г. в Сиэтле, в значительной мере было организовано и спонсировано отнюдь не радикалами, а профсоюзными организациями Америки – традиционным оплотом консерватизма.

Влиятельная, хоть и оказавшаяся за рамкой фокуса СМИ, часть движения антиглобализма, – религиозные лидеры и организации, обостреннее других ощутившие глубины цивилизационного кризиса. О распространении в мире «культуры смерти», подрывающей основы цивилизации и грозящей обществу новым тоталитаризмом, предупреждал в конце прошлого века папа Иоанн Павел II. Выступая против ряда тревожных аспектов глобализации, ее «структурных корней» и кодов социальной несправедливости, понтифик заявлял: «Поскольку... глобализация руководствуется законами рынка в интересах наиболее могущественных, ее последствия могут быть только негативными. Таковы, к примеру, подход к экономике как к абсолютной ценности; безработица; упадок многих общественных служб; разрушение окружающей среды, природы; рост разрыва между бедными и богатыми; несправедливая конкуренция, ставящая бедные нации в положение еще большей униженности».^[2]

Идеология и практика глобального капитализма, особенно в его нынешней форме «вашингтонского консенсуса» неоднозначно воспринимается большинством лидеров Третьего мира, диапазон настойчивых критиков – от руководителей Ирана до премьер-министра Малайзии Махатхира. Помимо претензий на мировую гегемонию критикуются также результаты двадцатилетнего эксперимента по применению программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, разработанных МВФ и Мировым банком. Широко пропагандировавшиеся в развивающихся странах, эти программы оказались в конечном счете более, чем двусмысленными, приведя к созданию устойчивого механизма форсированного изъятия природных ресурсов по низким ценам, в то время как доходы от экспорта шли не на внутреннее потребление, а на выплату неубывающего долга.

Однако параллельно с легальным протестом Третьего мира против гримас глобализма, на «диффузных пространствах» мирового андеграунда – архипелага Глубокого Юга и квази-Севера – процветает иной формат антиглобалистской риторики и энергичной, агрессивной практики. Исходящие из этой социальной бездны флюиды питают сейчас новое поколение антицивилизационных идеологов и террористических организаций, провоцирующих в свою очередь нарастающее применение репрессалий и легализацию обновленного, жесткого формата международных отношений.

В настоящее время ряд фактов и положений, связанных с привычным образом глобализации, не вызывавших ранее ни вопросов, ни возражений, начинает восприниматься явно по-иному, вызывая уже и серьезные вопросы, и не менее серьезные контрположения. Многозначный и многомерный в своем естестве антиглобализм – часть какого-то гораздо более широкого

феномена, мутант и пионер новой, непознанной культуры, его корни в «молодом, незнакомом» племени Нового мира – плеяде разнообразных сетевых организаций. Пионеры эклектичного племени напоминают пока неуклюжего ребенка, обучающегося ходить, однако эти дети могут стать культурными героями наступившего века, сражающимися с очередным обличьем гидры тоталитаризма. Либо сами обратиться в разновидность многоликого дракона, пожирающего цивилизацию и воцаряющегося затем в мире неоархаики. Пируэты монструозного глобализма и балансирующего на грани терроризма антиглобализма порой напоминают затейливые па «нанайских борцов», скрывающих под своими пестрыми одеждами некую темную тайну XXI в.; секрет губительный для современной цивилизации, шаг за шагом сходящей с исторической сцены в маргинальное небытие. Однако именно ощущение свежей крови и будущего мейнстрима привлекает сейчас в сетевую культуру самые разные силы, стремящиеся активно влиять на судьбу крикливого малыша.

Образ Нового мира, его социальный статус остаются, тем не менее, загадкой, которая, наподобие знаменитых чань-буддийских коанов, не имеет однозначного ответа. Как прочитывается история за пределами своего продекларированного конца? Глобализм, равно как и антиглобализм, демонстрируют подчас совершенно неожиданные конфигурации прежних сил и течений, объединяя, казалось бы, несоединимое и разводя близкое. Тайна этой причудливой геометрии подвижных берегов истории связана с какой-то иной, нежели привычная для нас, системой мировых координат. Вопрос остается открытым: что находится в фокусе инстинктивной, столь неровной, какофоничной реакции на реалии и эманации глобализма, что вообще скрывается под этим простым и звучным определением?

Постсовременная цивилизация

*При демократии власть – это влияние.
...Но в чистейшей форме такое влияние
может заключаться просто в тихом совете...*

Фредерик Форсайт

В наши дни разговор о постсовременной цивилизации (*postmodern civilization*) или же более общее и менее обязывающее обсуждение нового цивилизационного контекста могут оказаться как тривиальной данью духу перемен, так и чрезвычайно взрывчатой, революционной темой. Вся соль, по-видимому, в том, что понимать под этой формулировкой. Если расшифровать ее просто как очередное обновление христианской, все еще – по своим культурным основам – христианской цивилизации, то подобные процессы уже не раз и не два происходили на протяжении последних двух тысячелетий. Если же в это словосочетание вкладывать буквальный смысл появления на Земле признаков какой-то иной цивилизации, то мы, конечно, присутствуем при революционном и вполне драматичном явлении.

Мое понимание проблемы, меж тем, именно таково. Более того, речь, по-видимому, идет о зарождении новой цивилизации не только в том широком смысле, который был привнесен в данное понятие в конце XIX в. – как тема культурно-исторических типов обществ, что позволило, например, Арнольду Тойнби насчитать 22 цивилизации, – но и в русле гораздо более узкого, хотя и универсального словоупотребления этого термина, идущего от Мирабо. Правда, здесь мы вплотную приближаемся к парадоксу, неизбежно трансцендируя и переосмысливая прежнее значение термина, безнадежно запертое в триаде *дикость – варварство – цивилизация*, предполагая возможность некоего таинственного *четвертого состояния общества*.

С подобной реформированной точки зрения, всю историю, в конечном счете, можно свести к двум гигантским шагам. Один – возникновение и развитие рафинированных культур Древнего мира, причем как восточных, так и античных, всего того разнообразия, которое можно объединить понятием *традиционная цивилизация* (традиционная культура). И второй тип цивилизации – или группы, семейства цивилизаций, если все-таки рассматривать их как культурно-исторические типы, – это *христианская цивилизация* (культура Большого Модерна). Именно данная форма человеческого общежития пребывает сейчас в состоянии системного кризиса и трансмутации.

Христианская цивилизация развивалась, отвечая особому статусу человека, расширяя спектр его возможностей, создавая соответствующую среду действия. В то же время новое мироощущение, дух – оплодотворив прежнюю Ойкумену и впечатляюще трансформировав ее, затем не раз и не два срывались в долгий, затяжной кризис. В результате вектор развития цивилизации –

обретаемая человеком свобода – все чаще оказывался двусмысленной шкалой формального могущества. Кризис культуры, несовпадение траектории внутреннего мира человека с техническими возможностями и горизонтами развития предопределили разрыв социальной ткани, одновременно усилив предчувствие исторической метаморфозы.

Анализ глобальной трансформации составляет в настоящее время одно из основных направлений социогуманитарных наук, тем более что коррозия цивилизационного контекста грозит превратить мир в хаотизированный калейдоскоп, мятущийся в поисках нового порядка. Дело не только в открывающихся горизонтах и столкновении социальных моделей: надо ли особо отмечать, что с ростом мощи цивилизации повышается уровень и разнообразие сопутствующих ей рисков, а элементы высокоорганизованной системы особенно опасны в момент кризиса? При этом многообразная, порой слишком многообразная и турбулентная феноменология перемен, кажется, вполне способна растворить в массе ярких, но второстепенных деталей свое типологическое своеобразие. А оно, между тем, несомненно. В начале III миллениума мы видим присутствие на планете двух сопоставимых по своим возможностям смыслообразующих клише, двух кодов управления, их конкуренцию и симбиоз.

Одна система, привычная и явная, связана с публичной политикой и национально-государственным устройством. Ее можно было бы назвать политической, но лучше, наверное, определить как власть легитимную или административно-политическую, ибо любые системы управления глобального масштаба в конечном счете политические. И второй тип мирового управления – находящаяся в становлении, обезличенная транснациональная система разнообразных НПО и ТНК – которую по аналогии можно бы назвать экономической, но тут нужен какой-то семантический сдвиг, и мне привычнее слова экономистичная или геоэкономическая, поскольку мы имеем дело именно с системой управления и властью организаций, а не просто с хозяйственной деятельностью. То есть рассматриваем нечто, что содержит властные функции, далеко выходящие за рамки самых сложных производственных и рыночных связей, относясь к политической стороне жизни общества. Или же – есть еще и такое, значительное и масштабное по своему смыслу определение – «денежный строй».

Все это, однако, общая схема, внутри которой существуют специфические коллизии. К примеру, международные организации весьма неоднородны: коррозия национально-государственной системы захватывает также интернациональные бюрократические структуры, особенно первого, послевоенного, поколения, наподобие ООН и связанных с нею учреждений. Одновременно дает о себе знать сложный характер экономической среды, ее фактическая «двухярусность». Это уже гораздо менее отрефлексируемая коллизия. В XX в. отчетливо проявилась тенденция к слиянию политических проблем с экономическими, стремление установить перманентный контроль над хозяйственной деятельностью, реализовав в этой сфере тот или иной грандиозный управленческий проект. Методы при этом существенно разнились: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких форм косвенного управления, «институционального капитализма» – проклюнувшихся в административных амбициях международных институтов развития, в системах финансового контроля или в некоторых типологических особенностях деятельности ТНК. Так что, наряду с очевидным конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом», развивался гораздо менее очевидный, но, пожалуй, более универсальный процесс подавления экономического многоголосья, компрометации экономического либерализма, введения в эту сферу разнообразных форм контроля и управления.

Выстраиваемый таким образом миропорядок обладает заметной жесткостью, представляя – вполне в русле просвещенческой парадигмы – скорее, *механизм*, чем *организм*. Между тем в реальном мире – и в экономике, и в политике – все более заметную роль играет альтернативная генерация организационных схем и методов управления – то, что может быть определено как «сетевая культура» (*net culture*). В новом веке ощутимо, подчас агрессивно, начинают действовать разнообразные неформальные, анонимные, но влиятельные центры силы и действия. Непубличная власть, хорошо владея сложными схемами полифункционального организационного и хозяйственного управления, постоянно наращивая изощренность и мощь привычных ей финансово-правовых кодов, проделала впечатляющую эволюцию от господства над материальными объектами к управлению объектами социальными (субъектами), сливаясь, таким образом, с более привычным контуром власти, причем чрезвычайного уровня компетенции. Сейчас уже кажется тривиальным фактом, что на определенном уровне власть экономическая и политическая сливаются.

В настоящее время дихотомия, расщепленность пронизывает всю социальную феноменологию – политическую, экономическую, правовую – подчеркивая тем самым ее транзитный характер. Мы можем без особых усилий составить обширный реестр близких по своему предмету, но различных по содержанию диад, связанных с жизнью современного человека, прямо указующих на сопричастность в социальной ткани достаточно несхожих реальностей. Скажем, гражданское общество и общество массовое; демократия представительная и управляемая; либерализм, понимаемый как свобода и полнота прав личности, и неолиберализм, то есть универсальность ценностей рынка, акцентирующая функциональный аспект индивида (фактический субъект неолиберализма не личность, а предприятие); национальный суверенитет и складывающаяся на иных принципах транспарентная система международных связей и т.п. В экономике же проявился за последние десятилетия столь широкий спектр характерных новаций, объединяемых, например, понятием «новая экономика», что сложно даже пытаться их перечислить. Но к экономике мы еще вернемся.

Серьезные трансформационные процессы развиваются в сфере культуры, чьи непосредственные потенции, кажется, иссякают. Ее прежние плоды все чаще рассматриваются как особый интеллектуальный ресурс, своеобразное сырье для информационных и коммерческих проектов. Основное внимание при этом уделяется не трансценденции бытия, но аранжированию разнородного материала, стратегическая же цель видится не в познании смысла жизни, а в ее системной организации. Соответственно и усилия индивида также направлены не на обретение полноты личности, а на расширение пространства собственной актуализации. В результате культурное наследие человечества превращается в компоненты эклектичного трансформера *à la Lego*, текущие штудии – в бесконечную «игру в бисер» или массовую поп-культуру, и, как следствие, в мире распространяется феномен фрагментарного, «клипового» сознания. Так что читать толстые романы теперь не то, чтобы не модно, но порой становится «почти физически» затруднительно. Иначе говоря, происходит декомпозиция культуры с последующей экстенсивной эксплуатацией ее достижений (*элементов*), их произвольной реконструкцией и оптимизацией в соответствии с той или иной конкретной задачей, случается, противоположного свойства. К тому же создатель культурного объекта (или *продюсер*) нередко заранее учитывают маркетинговую стратегию, встраивая ее компоненты непосредственно в художественную ткань произведения. Последний, хотя может быть и не самый яркий, пример тому – две версии фильма «Перл-Харбор»: для мировой аудитории и отдельно, для японской, исходя из интересов проката.

Подобные изменения в социальной и культурной жизни можно, конечно же, объяснять усиливающейся прагматизацией бытия современного человека. Действительно, нередко приходится сталкиваться со следующей точкой зрения: долгое время в мире доминировали *ценности*, а сейчас начинают превалировать *интересы*, то есть происходит движение от сущности к видимости или, в конечном счете, простое уплощение привычной цивилизации. На первый взгляд дела обстоят именно таким образом. Однако можно ли всю феноменологию перемен объять подобной рационализацией? Пожалуй, нет, это было бы поверхностным прочтением ситуации: помимо очевидного упрощения и даже примитивизации ряда сторон жизни мы имеем дело с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социальных и культурных ожиданий, с многообразным проявлением некоего энергичного и специфического мироощущения, оригинальным переосмыслением системы взаимоотношений в рамках триады «человек – мир – Бог».

Попробуем еще раз перечислить реалии современного мироустройства: феномен массового общества, неолиберализм, управляемая демократия, поствестфальская система международных отношений, унификация и транспарентность национальных правовых систем, элементы глобального управления, сетевые организации, финансовая экономика, виртуальная реальность... А также – ряд достаточно специфичных явлений, связанных с кодексом политкорректности: от феминизма, утверждения полноты прав сексуальных и любых других меньшинств, права на контроль над собственным телом (аборты, фетальная терапия, новые репродуктивные технологии, смена пола, генетические манипуляции, в перспективе – клонирование) до начавшейся легализации эвтаназии, легких наркотиков и т.п. В этом пестром собрании просматривается комплекс понятий, ломающий ровный горизонт идеалов христианской секуляризации. Комплекс, который базируется не на плоских интересах, а скорее на разветвленной, глубокой системе *других ценностей*, пусть неотчетливой, укрытой инерцией жизни и эклектикой повседневности.

Что же все это означает? Быть может, дело в том, что обретенная на пике христианской культуры универсальная свобода предопределила, в конце концов, наступление исторического момента

легализации иных кодов бытия. И то, что мы лицемерим сегодня, есть не что иное, как неизбежное смещение времен, смешение цивилизации и одичания (но это уже не прежняя цивилизация, как и не прежняя дикость), плавильный тигель действительно нового, синкретичного состояния общества – *альтернативной квазичивилизации*, где человеку будет дано распорядится своей свободой как никогда и одновременно испытать небывалое угнетение (тут, кстати, отчетливо видна двойственность понятия «произвол»). Складывается вообще парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда дальнейшие материальные успехи человечества с точки зрения прежней логики истории постепенно лишаются смысла...

Вглядевшись же в этот калейдоскоп еще пристальней, мы начинаем различать, как сквозь расплывающийся фон привычных реалий проступает облик некой *неопознанной культуры*, и нам остается лишь распознавать ее, в том числе за сухими политическими и экономическими феноменами.

Правда, при этом возникают проблемы, – исследователи с некоторых пор в большинстве своем инстинктивно избегают делать широкие обобщения, а социальные явления предпочитают рассматривать в функциональном ключе, по возможности, отдельно от общих тем мировоззрения и культуры. В свою очередь короткий горизонт рефлексии, утрата вкуса к большим смыслам бытия (в немалой степени поддерживавшегося традицией богословия) приводит к тому, что действующие в недрах социума политические и экономические закономерности начинают восприниматься как самостоятельные универсалии, незыблемые в своих основах для всех культур и на все времена. А происходящие в обществе изменения – в качестве их прямых следствий, чуть ли не как механический результат этих процессов. Поэтому, чтобы увидеть и прочесть новый социальный текст, опознать его скрытую культурную традицию приходится отступать на шаг, вспоминая некоторые распространенные мнения и положения той поры, когда в обществе еще царила любовь к широким теоретическим обобщениям.

Но тут мне становится тесно в веберовской шинели. Макс Вебер, как слишком хорошо известно, затрагивая данную тему, уверенно говорил о протестантских корнях капитализма. Если мы внимательно прочтем строки его работ, то сможем сделать, пожалуй, лишь одно уточнение – речь идет не столько о протестантских корнях вообще, сколько о корнях кальвинистских (да еще о влиянии американских пуританских сект). Разница на первый взгляд никакая, но все же фиксирующая определенный вектор, позволяющий, следуя ему и приложив определенные усилия, отыскать неопознанное «второе дно» современного мира. Ибо феноменология социального постмодерна, по-видимому, есть реальный пунктир нового значимого контекста, претендующего на роль исторической альтернативы христианской цивилизации. Эта возводимая в недрах современного общества антропологическая и социальная конструкция имеет весьма глубокий, гораздо более древний, чем протестантизм, мировоззренческий фундамент, который принадлежит гностицизму. Соответственно, прорисовывающийся постхристианский универсум, чей контур с каждым годом становится все четче, может быть определен – с точки зрения его начал и постулатов – как *гностический*.

NOVUS ORDO

*С Богом можно встретится везде – даже в аду...
Есть только один род места, где встреча с Богом
заведомо невозможна по определению
– это место воображаемое.*

С.С. Аверинцев

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к данному кругу проблем, то есть к общественному мироустройству, экономической и политической практике, основам поведения человека в мире? Каким видится влияние идей и шире – присущего ему мироощущения – на начала культуры и практическую жизнь? Какова наиболее соответствующая его духу модель практики и социального универсума?

Отличительной чертой гностицизма является особый статус материального мира, как области несовершенного, случайного; как пространства «плохо сделанного» земного и человеческого космоса, для которых естественны произвол, инволюция и самоотчуждение. Бог обособляется

здесь от чуждого ему творения, трансформируясь по сути в аристотелев перводвижитель; миру же присущ тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним. Характерны также абсолютизация роли зла, презумпция отдаленности и неучастия «светлых сил» в земных делах при близости и активном соучастии в них «сил темных», а также вытекающий из данной прискорбной ситуации деятельный пессимизм.

Кроме того, гностицизму свойствен глубокий, порой онтологичный дуализм, который предопределил специфическую антропологию (к чему мы еще вернемся). Речь идет не о сложных кодах соединения разнородного, как скажем в дохалкидонской полемике о сочетании двух природ в Богочеловеке, но о двух породах людей, о двух жестко разделенных слоях в человечестве: высшем, и низшем – избранных и отверженных – являя собой радикальный, обостренный элитаризм. Другой «родовой признак» – эзотеризм, эволюция степеней посвящения и практика создания особых структур управления, скрытой власти, действующей параллельно власти официальной, но невидимой для нее; структур, применяемых и используемых также во вполне прагматичных целях. Еще одно немаловажное свойство – это, конечно же, специфическое, абстрактное, системное мышление, любовь к строительству бесконечных миров, числовых, нумерологических систем и т.п.

Иначе говоря, гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее, однако, совершенно по-своему, через призму негативного восприятия вселенной и его умопомраченного творца. Пытаясь отыскать простое (*линейное*) и понятное (*рациональное*) решение этой тайны, adeпты учения усложняют по форме, но упрощают по сути и модель мира, и саму проблему, и ее решение, придавая им какой-то, скорее, механистичный, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И тем самым вольно или невольно творят представление о творце и творении редуцированном, жестком, неблагом. Я бы рискнул сказать, что гностицизм – своего рода «упрощенное христианство», что влечет, однако, совсем не простые следствия. Но как раз этой своей стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями поп-культуры и обожающему именно эффектные упрощения, для понимания которых достаточно поверхностного усилия разума. Особенно если есть возможность заменить реальное усилие души необременительными и бесконечными квазимистическими спекуляциями ума (имеющими к тому же, – как и всякое средство для повышения комфорта, в данном случае душевного, – коммерческую перспективу^[31]). Искушение – это призрак головокружительных возможностей для людских слабостей; гностицизм же в своей основе есть действенная иллюзия и безнадежная попытка достижения истины и свободы без обретения любви.

Порой создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая только ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности (вполне, кстати, отражающая *Zeitgeist* современной эпохи уплощения цивилизации и освобождающейся дикости). Отклонение от начал реализма, свободы и любви обнаруживается в распространении парадоксального на первый взгляд сочетания спиритуализма и материализма, безличности и деспотизма, эгоцентризма и похоти. Двойственный же характер представления о тварном мире проявился в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим не подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, разумными животными. Гностический универсум, таким образом, делится на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и низкий, материальный мир поделок (десакрализированный Юг).

И, наконец, главное. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (*механические объекты*), то и действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Высшее состояние этой юдоли зла – «ночь творения», грядущий распад и аннигиляция, освобождающие избранные души от власти материи.

Наверное, нельзя не упомянуть также об одной слишком очевидной и потому неотчетливой черте гностицизма – о его тяге к христианству (особенно к наиболее напряженной и интенсивной форме последнего – исихазму), о его двойничестве-оборотничестве, соприсутствию с христианским космосом на одной территории «абсолютной религии» (которая выше религии), подчас в одних и тех же душах и умах. Гностицизм по-своему весьма близок христианству как основной, органичный его оппонент, «близнец»; в некоторых случаях различие кажется столь «узким», словно из сферы субстанции оно переходит в область акцентов. В Древнем мире гнозис вообще стал своеобразным провозвестником христианского века, зачинателем «осевого времени», будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур. Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то *знает* о христианской

истине, но по слишком многим причинам предпочитает дать собственный ответ, в котором оказывается разъятой органичная триада свободы, любви и реализма. Гностик – это безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником ее зазеркалья.

Адепты «лжеименного» учения неизменно подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире на соединение свободы и универалистского, но безличного знания в мире иллюзий. Их бог – скорее маска, чем личность, ибо гностическим даром, «утешеньем» можно уверенно обладать и обогащаться, управляя словно аморфной силой, что подчас сближает гностицизм с магией. Различие двух ответов на тайну бытия проявляется также в отношении к несовершенствам жизни: гностицизм, копя в сердце нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силе искусств, «изобретает несуществующее», в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти.^[4] Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но оба они – и гностицизм, и христианство – пребывают в трансценденции к обыденности, постоянно сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

Оставим все же за пределами нашего рассмотрения времена появления мандеев и ессеев, фрагменты учений Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков и даже столь важные для избранной темы фигуры как Маркион и Мани. А также весь пестрый калейдоскоп околумусульманской мистики и иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, большие возможности для полулегального существования в космосе средневековой Европы, образуя подчас симбиотические конструкции с привычными структурами повседневности. Если же попытаться сжать время и выделить какую-то отправную точку для дискурса, момент, когда многовековой подспудный процесс выходит наружу и значимо социализируется, я бы выбрал, пожалуй, предыдущий перелом тысячелетий, точнее говоря, первые века второго миллениума христианской эры.

Тогда, после тектонического раскола универсального пространства спасения в XI-XII вв., на волне массового перемещения людей и ценностей в ходе крестовых походов, в Европе так же, как и сейчас, велись разговоры о новом мировом порядке, даже словосочетание употреблялось то же: *Novus Ordo*.^[5] В XIII в. стало явственно истощение прежнего духовного порыва и ожиданий, связанных с половодьем движения крестоносцев, сопровождавшегося, кстати, также обратной волной культурной экспансии, культурной диффузией, привнесением в европейский круг «восточного наследства». То же относится и к Реконките и к обретению Западной Европой в начале XIII в. «наследства византийского». В этот период, наряду с утверждением в качестве центрального субъекта исторического действия *христианского мира*, цивилизации универалистской и прозелитической, к древу истории прививается иной побег, произрастающий из зерен антропоцентризма протозерождения и гностических ересей. Эта ветвь, разросшись и укрепившись, произвела со временем мутацию могучего европейского организма, породив современный нам *экономистичный универсум*.

В дальнейшем амальгама западноевропейского ума, эффективно соединила стремление к ясности и демифологизации мира с механицизмом его формального прочтения, что проявилось, в частности, в новом дискурсивном пространстве схоластики, а затем в феномене естественнонаучного мышления, развитии технических, социальных и гуманитарных дисциплин, породив характерные для современной цивилизации феномены и предопределив ее энергичную экспансию.

Но что же такое «новый порядок» в социально-политических реалиях того переходного времени? Это фактический распад прежней, импероцентричной государственной системы и своеобразная «приватизация власти», что нашло выражение в феномене кастелянства; затем – аграрная революция, сопровождавшаяся устойчивым демографическим ростом, а чуть позже – взрыв урбанистический. Начиналась эпоха географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые и финансовые схемы и т.п. В сущности, уже тогда возникают первые сполохи зари Реформации, происходит пассионарный толчок, направленный, в том числе, против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается новая, динамичная социальная общность.

Распад прежнего мироустройства привел позже к формированию системы суверенных национальных государств, в которых закат идеала *христианского народа* и его *единого царства* выразился в альтернативном чувстве земного патриотизма. Впоследствии идеалы вселенской социальной общности в практическом плане рассматривались уже в новой системе

координат: сначала как движение к «союзу наций», а затем – как преодоление национальной власти и государственной суверенности на пути к миру, реально управляемому иной универсалией – союзом «международного права и свободной экономики».

Кстати говоря, *Novus Ordo* переводится не только как «новый порядок», но и как «новое сословие» (сословие и порядок одно и то же слово на многозначной латыни). Проблема эта столь глубока и многомерна, что осознавалась и схоластически осмысливалась уже в период великого перелома первых веков II тысячелетия, иначе говоря, у самых истоков современной фазы западной цивилизации. Мы хорошо знакомы со стереотипом трех сословий, но гораздо хуже осведомлены о полемике вокруг сословия четвертого. А такая полемика велась, к тому же не один век. В концепции «четвертого сословия» проявилась сама квинтэссенция нового, динамичного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека Средневековья. Контур нового класса, равно как и изменившегося статуса мира проступал в дерзких исканиях мысли, в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ, географических и нравственных, в области идеологии и практики. Диапазон его представителей – от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков. Так, в немецкой поэме XII в. утверждалось, что «четвертое сословие» – это класс ростовщиков (*Wucherer*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и ростовщиков.

Здесь мы вплотную подходим к загадке капитализма. В этой области обитает много химер и мифологем. Капитализм – не просто форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая в лоне рыночной экономики. В определенном смысле – это выход за пределы экономики, психологический и социальный прорыв, недоступный человеку традиционной культуры (язычнику). От рынка капитализм, впрочем, отличается не столько объектом деятельности, сколько ее масштаб и цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация. Фернан Бродель, описывая это непростое явление, назвал его «противорынком», поскольку его суть «в явно другой деятельности», «в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места». Арнольд Тойнби выразился еще резче: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном итоге будет навязан диктаторским режимом».

Загадка капитализма

*Правление народа, посредством народа и для народа
не должно исчезнуть с лица земли*

Авраам Линкольн

Субстанция капитализма – это, по сути, энергичная социальная стратегия, целостная идеология и одновременно далеко идущая схема специфического мироустройства, уже упомянутого выше *денежного строя*, субстанцией которого является не само производство или торговые операции, но операции системные, направленные на контроль над рынком и имеющие целью перманентное извлечение системной прибыли (устойчивой сверхприбыли).^[6] Капитализм обретает универсальную власть главным образом не через административные, национальные структуры, а посредством хозяйственных, интернациональных механизмов. Такая власть по самой своей природе не ограничена государственной границей и распространяется далеко за ее пределы, рассматривая всю доступную Ойкумену как единое пространство для своей деятельности, единую метасистему. В конечном счете, параллельно проекту создания на земле универсального пространства спасения *Universum Christianum* этот мир-двойник создает собственный амбициозный глобальный проект – построения вселенского *Pax Oeconomica*.

Питательная среда капитализма, его магнитное поле и силовые линии складываются в контексте финансовых схем и трофейной экономики крестовых походов, преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение – сухопутный порт ярмарок в Шампани). Его родовые гнезда – это, прежде всего, Север Италии: Ломбардия, Тоскана, Венеция, Генуя; а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже – Амстердам. Духовным же источником капитализма стали, по-видимому, «разноконфессиональные», но единые в своей основе гностические ереси (как ветви некой параллельной христианству, полифоничной «абсолютной религии»), уже тогда прямо и косвенно оплодотворявшие семена будущего бунта Реформации

против Рима. В этот период секты и ереси активно распространяются в европейском регионе: от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойской ереси, то есть к общинам катаров и вальденсов. Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, сама система организации которых является впечатляющим прообразом будущих ТНБ, ТНК и виртуальных сообществ-«государств».

Особенно интересны для нас в данном контексте вальденсы, определение которых различными авторами разнится от «еретической секты манихейского толка» до «дореформационной протестантской конфессии», но, возможно, тут и нет никакого противоречия. В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, причем наиболее радикальная их часть, отказавшаяся принести покаяние, переселяется в германоязычные страны, в Нидерланды, Богемию, Пьемонт, в Западные и Южные Альпы, где, по некоторым сведениям, уже существовали общины, ушедшие от «государственного христианства» еще в IV веке. Здесь в труднодоступной местности, в суровых условиях борьбы за выживание формируется «дух протестантизма», отмеченный особым отношением к труду, личным аскетизмом, самоотречением, честностью и скрупулезностью, корпоративизмом, экономией, строгостью нравов. Развивается также институт «тайного прозелитизма», охвативший со временем едва ли не всю Европу, вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси. Бывшие «лионские бедняки» активно внедряются при этом в оптовую и розничную торговлю, что позволяет им свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам «дореформационного протестантизма»: от Джона Уиклифа до Яна Гуса...

Изгнанные из легального мира, вынужденные жить в нем «в масках», общаться между собой непрямым образом сектанты вскоре обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для «системных операций»; иначе говоря, владеют готовым механизмом для успешной реализации сговора и контроля над той или иной ситуацией, для разработки и проведения в жизнь сложных, многоступенчатых проектов, крупных (суммарных, коллективных) капиталовложений, доверительных соглашений, требующих долгого оборота средств и одновременного, деятельного соприсутствия в разных точках земли и т.п. То есть для формирования и деятельности структур энергичного *private market* в рамках гораздо более аморфного *public market*. Эффективность подобного механизма была впоследствии подтверждена сохранением и даже развитием его рудиментов и модификаций, а также появлением различных его аналогов уже во времена торжества секулярного общества, когда прежние причины для этих форм поведения перестали существовать.

В XIV и XV вв. происходит разделение ересей в социальном отношении. Во-первых, плебейские ереси («народные религии») – эдакий крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой – получившие собственную историческую реализацию, в том числе и в XX в. И, во-вторых, – ереси бюргерские («городские», «буржуазные»), ставшие закваской радикальной трансформации западноевропейского мира, равно как и ереси «университетские» или «интеллектуальные». Вся же гамма данного спектра, его *системная реализация* проявилась к концу второго тысячелетия в таких на первый взгляд различных политических и идеологических конструкциях как коммунизм, нацизм, глобализм (странным образом напоминая о знаменитых трех искушениях[7]). Однако и по сей день разрозненные фрагменты мозаики уверенно контролируемого мира все еще не сошлись воедино.

В XVI в. «буржуазная религия» окончательно выходит на поверхность в феномене Реформации, этой – по выражению того времени – «второй схизмы» христианской Ойкумены[8]. Реформация по-своему легитимизирует ряд еретических течений, включая их в западно-христианский круг, образуя с ними специфический симбиоз в форме скрытого синкретизма протестантских сект. «Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, – писал Эразм Роттердамский. – О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать». В этом контексте для нас особенно интересен генезис гугенотов и кальвинизма. Не менее плодотворным является анализ зарождения и истории тайных обществ (а также тайных торговых и финансовых соглашений) эпохи Нового времени, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляется вполне определенному «вероучению толпы».

В результате серьезно меняются принципы взаимодействия человека с материальным миром, утверждается новый тип мироощущения. Важнейшей оказывается такая характерная черта кальвинизма, и в той или иной степени протестантизма в целом, как «деятельный фатализм», рассматривающий земное богатство как доказательство призвания, а успех как признак харизмы. (Ранее в средневековой Европе доминировала совершенно иная логика: при обязательности труда

принципиальное противопоставление необходимого */necessitas/* – избыточному */superbia/*, с соответствующей моральной оценкой.) Как известно, основания подобной трактовки пространства свободы были заложены еще блаженным Августином. В сущности, центральный вопрос здесь – принадлежит ли человеческая свобода вечности или времени; от характера ответа напрямую зависит открытость и живая драматичность текста бытия, либо прочтение судьбы как книги с заранее известным концом.

Для человека подобных взглядов деньги имеют, прежде всего, символическое значение: они не столько богатство или средство платежа, сколько символ статуса и орудие действия в этом не вполне реальном мире, инструмент управления им. Экономика сама по себе имеет для него иллюзорный характер, это расчерченная доска иных схем и планов, психологически гораздо ближе ему оказывается стилистически рафинированная и отвлеченная аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. Горизонт планирования отодвигается, что позволяет развернуть совершенно иное поколение соответствующих технологий. Подобное мироощущение, однако, провоцирует постоянное искушение, сближая с еретиками и адептами тайных наук, ибо романтика цифр незаметно сливается здесь с кабалистикой и алхимией: финансовые формулы наделены силой, обладающей несомненной властью в этом мире, в том числе и над душами людей.

Отрицая возможность подвига преображения – освобождения человека от греха собственными усилиями, протестантизм превращает личность в индивида, активно практикующего ту или иную социальную функцию ради достижения максимального результата – зримого доказательства собственной избранности. Таким образом, личный труд по преодолению испорченной природы человека обесмысливается и подменяется деятельным гаданием, в результате чего индивид попадает в беличье колесо фетишизации успеха. Мир оказывается расколотым, и для определения своего статуса в вечности, принадлежности к спасенным или проклятым, к избранному народу *Übermensch* или сонмищу *Untermensch*, человеку требуется не восходить лестницей духа, но постоянно испытывать собственную профессиональную состоятельность, а «милость к падшим» при этом сменяется почти ритуальным их презрением.

Погружаясь в эти неблаголе пространства, испытываешь порой тягостное ощущение, что в их жестких, эсхатологических проекциях, пусть в отраженной (*искаженной*) форме, все же присутствует некая значимая для человеческой души реальность: предчувствие не столько сущего, сколько грядущего (*послесудебного*) вселенского разделения и отдельные черты будущей космогонии огненного мира отверженных, лишенного реальной сотериологии. Так порой, читая о тех или иных ужасах Средневековья, невольно задаешься вопросом: а какой была бы «европейская ночь» темных веков после великого переселения народов, если бы в ней не сияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский вектор истории?

Учение о предопределении – сердце новой веры. Именно здесь наиболее ощутимо присутствие своеобразного дуализма (проявляющегося, например, у Лютера в его рассуждении о двойной воле Бога), жесткость и механистичность всей новой антропологии, формирующей в обществе собственную аристократию житейского успеха. Уже в этих конструктах можно различить истоки современного состояния мира, когда происходит «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» (З. Бжезинский)...

Но вернемся к непростым перипетиям генезиса капитализма. Его зарождение, первую, *торгово-финансовую* фазу обычно связывают с XV-XVIII вв., хотя по ряду параметров эти истоки можно датировать более ранним временем, что, правда, нередко и делается с использованием понятия «протокапитализм». Расцвет данной фазы был тесно связан с эпохой географических открытий, кардинально изменившей экономическую картографию, сместив центр тяжести из средиземноморского в атлантический мир. Одновременно растущий поток материальных ценностей и драгоценных металлов вызывал к жизни все более изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая вектор активности в виртуальный космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как, например, центральный банк или ассигнация. Закат же торгово-финансовой фазы совпал с упрочением на исторической арене национального государства, которое забирает себе наиболее прибыльную часть всей этой деятельности – кредитование правителей, начав само финансировать собственные нужды, путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии национальной валюты, особенно в форме банкнот.

Капитализм, однако же, успешно преодолевает кризис, занимая и одновременно формируя новую нишу деятельности, иногда прямо отождествляемую с ним (что порождает ряд аббераций и иллюзий), – *индустриальное промышленное производство*. Эта сфера хозяйственной активности развивается в тот период по стремительно восходящей линии, с лихвой оправдывая практически любые капиталовложения (именно с лихвой в том значении, которое заложено в этом слове), создавая на основе столь характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций и перманентного технического прогресса все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало свою долю и государство, чьи инфляционные и эмиссионные риски, как правило, уверенно оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики. В общем энтузиазме эпохи – обретении рыночной конкуренцией второго дыхания и звездном часе либерализма – временно растворяются, отходят на второй план многие специфические черты денежного строя. Здесь, кажется, особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого общества и наоборот. Однако в завершающем второе тысячелетие веке индустриализм пережил как стремительный взлет, так и серьезный кризис.

Промышленное производство на протяжении всего последнего столетия испытало на себе действие ряда фундаментальных факторов, препятствующих дальнейшему динамичному росту промышленности, ведущих к падению нормы прибыли в ее традиционных отраслях. Во-первых, – это ограниченность платежеспособного спроса по сравнению с экспансией производственных возможностей и, как следствие, необходимость вовлечения в процесс расширенного потребления все новых групп населения, или развития новых, порой искусственных потребностей у платежеспособной его части, либо же – создания механизмов отрицания и целенаправленной деструкции ранее созданных материальных ценностей. Во-вторых, – отчетливо обозначившиеся границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива серьезного ухудшения ее качества, а также исчерпания критически важных видов природного сырья. В-третьих, – усложнение отношений с научно-техническим прогрессом, в частности, из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли, учитывая необходимость перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. А также из-за потенциальной способности неконтролируемых инноваций, «открывающих» и «закрывающих» технологий выбивать почву из-под ног у сложившихся хозяйственных организмов и даже целых отраслей. Произошли, кроме того, серьезные изменения в направлении реализации творческого дара, в характере инновационной динамики и, пожалуй, в диапазоне ее возможностей.

Последнее утверждение, впрочем, – наиболее спорная часть триады. Однако если мы сравним состояние инновационной сферы в начале XXI в. и, скажем, века XX, перечисляя конкретные прорывные достижения, то с удивлением обнаружим, что инновационный подъем в последнее время не возрастает, а скорее затухает, правда не равномерно, хотя и достаточно заметно, начиная примерно с 1980-х годов. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия – *radical innovations* сменяются и размываются многочисленными, эффектными рационализациями этих открытий – *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки. Переживают расцвет информационные и финансово-экономические технологии (оптимизационные по своей природе), социальные инновации, другие «мягкие» инновации и технологии.

Завершающее столетие второго миллениума стало, таким образом, пограничной территорией, на которой кристаллизовались различные стратегические замыслы конкурирующих в обществе сил. Наметилась трансформация социального дизайна цивилизации, распад прежних смыслов, разрушение сложившегося ранее контекста. С этого же времени интересы капитализма и промышленного производства, индустриальной цивилизации больше не совпадают.

Глобализм и сетевая культура

К. прибыл поздно вечером.

Франц Кафка

Момент истины XX века, это, пожалуй, 1968–1973 годы. Нижняя граница периода была охарактеризована как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великий перелом» (Р. Диес-Хохлайтнер), «мировая революция» (И. Валлерстайн). В то время, в условиях «позолоченного века» – материального изобилия цивилизации и раскрепощения человека от многих тягот природных и социальных ограничений –

в мире происходят серьезные системные изменения. На поверхность выходит феномен «сетевой культуры», проявившейся в новых формах социальной организации и экономической деятельности, в своеобразной культурной революции – в частности, в становлении «нового класса» в США. Постепенно преобразуется также структура международных связей, принимаются энергичные меры для осмысления открывшихся перспектив, формируются механизмы для воплощения идеалов долгосрочного планирования и глобального управления. Иначе говоря, стержнем исторического вектора становится практическая реализация масштабного проекта глобализации.

В 1966 г., в ситуации нарастания кризиса – в разгар бомбардировок Северного Вьетнама, серьезных разногласий с европейскими союзниками (прежде всего с Францией), в преддверии наметившихся валютных неурядиц, – президент Джонсон начинает постепенно разворачивать громоздкий двухпалубный корабль; американский президент, в частности, выступает с заявлением о необходимости «поскорее наладить связи между Западом и Востоком». Создается рабочая группа на базе Совета национальной безопасности во главе с Френсисом Бейтором, Белый дом и влиятельнейший Совет по международным отношениям инициируют серию дискуссий и консультаций по новой «дальней границе» (*high frontier*) американской и мировой истории, к которым привлекается, в числе других, будущий создатель Римского клуба Аурелио Печчеи. Весной следующего года в Европу и СССР с соответствующей миссией отправляется Макджордж Банди, а уже осенью происходит инициированная им встреча американского президента и советского премьера А.Н. Косыгина в Гласборо.^[9] Дальнейшее развитие событий идет как по линии государственных контактов, приведших к реализации политики детанта, так и создания многоступенчатой системы неправительственных организаций, занятых поиском новой формулы мироустройства.

Интеллектуальное пространство данной проблематики фиксируется при помощи понятия «глобальных проблем человечества». Под эгидой этого тезиса на рубеже 60-70-х гг. инициируется появление ряда интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, среди которых привлекает внимание тот же Римский клуб (1968), созданный во многом благодаря подвижническим усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга. Одновременно на основе «Нобелевского симпозиума» формируется Международная федерация институтов перспективных исследований (IFIAS, 1972), а в результате переговоров по линии «Запад – Восток» создается междисциплинарный Международный институт прикладного системного анализа (IIASA, 1972), в чьей деятельности участвуют ученые противостоящих политических блоков. Идея мониторинга будущего, необходимости «искать пути понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром» кристаллизуется в виде задачи «создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем».

Вскоре появляется на свет Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии (1973), а затем, после вашингтонского совещания министров финансов крупнейших стран (1973), рождается и такой влиятельный институт наших дней, как ежегодные совещания Большой семерки (1975).

Выделю, по традиции, три фактора, играющих ключевую роль в становлении глобального капитализма как универсальной системы. Во-первых, это появление «новых денег» (логическое завершение многовекового процесса «порчи монеты»), превратившихся на практике из средства платежа в универсальную меру стоимости и инструмент управления. Доллар, фактическая мировая резервная валюта, окончательно утратив рудименты золотого стандарта (1971-73), позволяет проявиться феномену ничем, в сущности, не обеспеченного – кроме умелого управления – алхимического кредита последней инстанции. Во-вторых, – это масштабные финансовые технологии. Нефтяной кризис 1973 г. стал пусковым механизмом их практической реализации, ведя к образованию перманентного глобального долга. А с момента выхода ситуации за некоторые пределы и балансирования на грани глобальной нестабильности, развивается параллельная система управления рисками, которая, кажется, претендует сейчас на то, чтобы сменить кредитный замысел в качестве камертона неоэкономической практики XXI века. Наконец, в-третьих, в те же годы разворачивается революция в микроэлектронике и средствах телекоммуникации, продуцируя активно осваиваемые и практически неограниченные физическими параметрами информационные пространства. Появляются сеть APRANET(1968) – прообраз Интернета и системы глобальной биржи, спутники связи, микрочип (1971), персональный компьютер, а также универсальные коды UPC-A и EAN-13 (1973) – основа будущего глобального каталога товаров и людей, трансформирующего субъекта в объект.

Специфику новой – глобальной – формулы экономики можно описать следующим образом: если до некоторого момента мировая экономика представляла сумму экономик национальных, – самостоятельных субъектов, действовавших на глобальном поле, – то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект, «штабная экономика», которая при посредстве системы ТНК и ТНБ уверенно действует на национальных площадках, превращая их в универсальный объект. Утверждается единый тип хозяйствования, имеющий свод регуляций, формируется геоэкономический мир как система долгосрочного планирования и перераспределения – посредством финансово-правовых технологий – мировых ресурсов и дохода.

Синтезируя все эти тенденции, а также ряд других, на планете постепенно очерчивается контур третьей фазы капиталистической мир-экономики: *геоэкономической*, современниками которой мы и являемся. Ее базовый механизм – получение системной прибыли уже не столько за счет теряющего былую привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной практикой в целом, наиболее простым, хотя и частным, примером которых служат хорошо известные «ножницы цен». Новые финансовые технологии и организационные схемы вскоре придадут этому процессу глобальный размах и второе дыхание.

В некотором смысле происходит возврат как раз к алгоритмам первой, торгово-финансовой фазы, но уже на ином, глобальном уровне, позволяющем осуществлять как широкие системные операции в экономике, так и практиковать коды управления социальными процессами в масштабе планеты. И здесь социалистический эксперимент XX века может получить неожиданную перспективу. Опыт коммунистического постмодерна можно в этом случае рассматривать как футуристическое (забегающее в будущее) отрицание *публичной власти* ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной *власти организации* – треста или госкорпорации, которая посредством системы назначаемых ею управляющих (номенклатуры) контролирует пространство страны (группы стран, а в идеале – весь мир). Положение вещей, когда крупная транснациональная корпорация, контролирует и направляет деятельность марионеточного правительства небольшой страны Третьего мира может тут сослужить роль своеобразной лабораторной реторты.

Создавшаяся ситуация есть своего рода завершение гегелевской триады становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл его временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией. Институциональные же формы третьей фазы могут со временем свести воедино все проклюнувшиеся ранее версии социального постмодерна (запечатлев торжество безбрежной конвергенции), проявив тем самым их столь неочевидную поверхностному взгляду типологическую родственность. Сохранится ли при этом отмирающий ярлык «капитализм»? И стоит ли подчеркивать, что мировоззренческая основа его «высшей стадии» выходит далеко за пределы протестанской этики, вскрывая гораздо более интригующие истоки рукотворного универсума? Это, впрочем, отмечал и сам Вебер, предупреждая, что результаты его анализа не распространяются на реалии XX века.[\[10\]](#)

Моделью архитектуры проектируемого геоэкономического мироустройства (*геокон*) – своеобразного аналога *гебдомады* гностического космоса – может служить известный многоярусный «китайский шар».[\[11\]](#) Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады – *сизигии* – в единую сложноподчиненную конструкцию экономистического универсума. На «нижнем», географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более «высокий» локус – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством. На транснациональном ярусе – это производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах). Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономической конструкции – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, в которых правовой, а тем более моральный контекст утрачивает свое былое значение. Наконец, на высшем этаже, это находящаяся в становлении паутина «штабной экономики» – система глобального управления метаэкономикой, движущаяся в направлении унификации источника легальных платежных средств, тотального контроля над их движением и выстраивания единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, превращающих со временем весь геоэкономический универсум в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазиенты.

Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать основной мерой человеческой практики и устремлений, очевидным образом свидетельствуют об истощении энергии христианской нити кальвинистского вектора; другая же его компонента, напротив, усиливается и начинает доминировать, причем уже лишенная параферналии «призвания» и «предопределенности к спасению», по крайней мере в прежнем смысле. Идеалы заметно меняются: современные строители уходящего в дурную бесконечность универсума говорят теперь на едином для всех стран и народов языке финансовых операций, на глазах обретающих смысл и жесткость «естественных законов» бытия, а социальная анатомия все чаще демонстрирует принципы и цели, в недавнем прошлом плохо различимые под флером христианской культуры. Прежние ценности при этом переживают не только девальвацию, но и семантическую коррупцию, выступая в роли своеобразных симулякров, под ветхими одеждами скрывающих новые смыслы.

Впрочем, семантическое двоевластие, по-видимому, продлится не так уж и долго: «...в отношении христианина к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности, несомненно, христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него. Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами...», писал еще в середине прошлого века немецкий теолог и философ Романо Гвардини. Так, к примеру, в сфере неоекономики откровенно спекулятивный характер финансовой деятельности, переворачивая с ног на голову прежнюю архитектуру хозяйственной пирамиды, повергает в прах и логическую эквилибристику Кальвина, обосновывавшую легитимность взимания процентов, равно как и оговорку Адама Смита по поводу «законов справедливости», ограничивающих действие механизмов конкуренции.

Финансовый успех – уже не просто признак благодати, но сама благодать, истекающая из единого центра – квазиплеромы кредита последней инстанции, активно перераспределяемая нисходящими божествами, управляющими средне- и краткосрочными сценариями и рисками, при этом нижние божества используют ее в самых низменных и преступных целях. В круговороте этой совсем не призрачной жизни цифр и множеств, тщательно взвешенных устремлений и просчитанных порывов финансовые ресурсы, заменив собой харизму, действительно определяют статус индивида, его положение в обществе, спектр возможностей в Новом мире, становясь творческими энергиями – источником созидания и уничтожения. Финансовый успех в качестве мерила значения и ценностей здесь универсален, но по-настоящему крупный успех действительно все чаще оказывается выше личных усилий, труда и морали, являясь признаком особой благосклонности воплощенного Абрахаса.

В сущности, по крайней мере в эстетических категориях, все это напоминает то ли планомерное строительство химеры вселенского лабиринта, то ли кропотливое воссоздание мистифицированного кафкианского Замка: кодовым же ключом к подобной сборной конструкции земных иерархий является, пожалуй, нехитрая модель политкорректного Севера (*мировой град*) в обрамлении проклятых стран остального мира (*мировая деревня*) с их в общем-то не вполне легитимной, с точки зрения новой ситуации, и «подведомственной» властью.

Реализация столь радикальных целей требует не менее радикальных действий по изменению существующего миропорядка. Наши представления о глобализме пребывают, однако, под влиянием социо-политических стереотипов, меж тем как вероятность реализации мегаломаничного проекта в прежней логике социальных связей, вызывает серьезные сомнения. Новый статус мира, вектор его транснационализации, экспансия сетевых организаций, возросшая степень рисков подталкивают систему к переходу на другой, гораздо более широкий «протокол» контроля: введение режима глобальной безопасности, осуществление тотального, мобильного надзора, построение планетарного каталога ландшафтов, ценностей и людей. В рамках существующей социальной конструкции все это вряд ли осуществимо – ни характер политических институтов, ни мировоззренческая мотивация не позволяют эффективно управлять динамичной реальностью транснациональных сетей сотрудничества. Привычная типология антиутопии предлагала простой и моральный в своей основе конфликт тоталитарного зла и жертвенного, гуманистического протеста. Гораздо менее познанной оказалась ситуация прямой конкуренции различных логик управления – к примеру, противостояние институтов «гуманитарного тоталитаризма» и «террористического индивидуализма».

Новые организационные коды преобразуют общественные институты и методы их работы. Основа обновления – активная, пассионарная личность, деятельное, подчас агрессивное целеполагание

(проект), динамичная «виртуальная иерархия». Старая среда – формальна, институциональна, новая – турбулентна, субъективна, подчас иррациональна (по крайней мере может выглядеть и восприниматься как таковая). Для нее характерны гибкость, мобильность, высокая степень разделения рисков, кластерные, синергетичные формы организации. Новая культура, подобно вирусам, может сосуществовать во плоти прежних институтов и социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются свои рубежи новоявленного «столкновения цивилизаций» – конфликта между централизованной иерархией и сетевой культурой, между администратором и творцом, между центристскими и центробежными тенденциями. В экономике это выражается, к примеру, в расхождении (подчас значительном) оценки совокупных основных фондов корпорации и уровнем ее капитализации, в резком повышении роли человеческого капитала, широком распространении аутсорсинга и т.д. [\[12\]](#)

В меняющемся контексте возникает принципиально иной класс угроз и вызовов. Это борьба интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей и технологических решений, но, прежде всего, – борьба мировоззрений, борьба кодекса поведения прежней цивилизации и моральных начал новой культуры. Трансформация социальной среды все чаще напоминает историческую ситуацию поздней Античности – синкретизм и размывание культурных горизонтов, снижение уровня морали, глобальное распространение идеологии «общества потребления», сжимание цивилизации «новым варварством»... В этих условиях на планете выстраивается своего рода глобальный *Undernet*, эксплуатирующий открывшиеся возможности для иллегальных организаций и не скованных моральными ограничениями форм деятельности, где неформальность, гибкость подобных организмов оказывается их существенным преимуществом...

В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий собственную реальность, – свободно действующая личность, отсеченная от прежних культурных корней. Этот энергичный человек, вдохновленный открывающимися горизонтами и ощущая себя – независимо от форм включенности в прежнюю систему – элитой Нового мира, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. При этом диалог подобных индивидов и пассионарных групп различных толков ведется «через головы» других людей, психологически воспринимаемых как безликий хор статистов. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной, но влиятельной элиты, не нуждающейся в институционализации своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, эзотеричности семантики социальных связей. Субъекты этих взаимоотношений, действующие поверх прежних социальных конструкций, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, в гегемонизме и терроризме; однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение, обретая черты маргинальности в меняющейся социальной среде.

На сегодняшний день прочерчиваются, пожалуй, два стратегических сценария дальнейшего развития событий на планете. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – мирное завершение строительства геоэкономического каркаса Нового мира, или, проще говоря, создание глобальной и тотальной налоговой системы. Однако если наметившаяся каталогизация мира все-таки споткнется о ряд возникающих противоречий и ограничений, то произойдет нечто иное: введение в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами (в русле типологии контролируемого хаоса) вместо статичных схем международных отношений. Результатом станет реализация перманентного силового контроля, новых форм конфликтов и путей их урегулирования, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии – и еще, пожалуй, радикальное изменение структуры цен, – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов...

И все-таки, то, что мы наблюдаем сегодня, это лишь «социальный постмодерн», предместье призрачной цивилизации – полярного града освобожденного Франкенштейна – симбиоз разнородных, плохо сшитых меж собою систем, подчас, как и всякая химера, весьма причудливого свойства. Однако даже первые картинки волшебного калейдоскопа – распад СССР и Балканский кризис, «новая экономика» и виртуальная реальность, гиньоль на тему «золотого миллиарда» и карнавал антиглобализма, экзотические сетевые организации и системный терроризм, – заметно изменили наши представления о мире, обществе, человеке. История, нанося ощутимые удары, творя прорывы и зигзаги, ускорения и перестройки, расплачивается по счетам особой, но вполне полновесной валютой – опытом. Исследователь же открывающихся горизонтов, вычерчивая картографию постсовременного глобуса, рано или поздно задумывается над

ключевым в данной ситуации вопросом: что сулит человечеству торжество новых начал и каковыми окажутся радикально обновленные на их основе правила игры на планете?

Культурный шок вызывает обостренное ощущение утрачиваемых ценностей, подчас сопровождаемое ностальгией по прежнему миропорядку. Шок, травма, кризис – в качестве лицевой стороны медали – дают шанс на преодоление социальной инерции, на радикальное обновление и решение давно назревших, но не решаемых в привычной для нас системе координат проблем. Однако результатом потрясений подчас становятся также надлом, инволюция, гибель. Через пятьсот лет после открытия Нового Света люди обнаружили порог и медные врата Нового мира. Его символические сторожевые башни – геркулесовы столбы игр современности, – сейчас повергнуты в прах. Растиражированная картография пространств и горизонтов нового века обрывочна и неточна, порой прямо ошибочна. И все же, в этой зыбкой, турбулентной среде цивилизация должна удержать свои начала, обретая новую кожу, либо раствориться в стихии иного порядка вещей. Перейдя из мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося вознести цену человека, к многолюдному обществу, где человеческая жизнь будет цениться дешевле, чем в невольничьих империях древности, – она просто не будет стоять ничего.

Завершая данный экскурс, посвященный поиску корней Нового мира, начал его аксиологии, но также и его горизонтов, его «дальней границы» – экскурс, нитью которого было, в сущности, *искусство землемера*: скорее, стремление очертить проблемные поля, нежели попытка дать уверенные ответы, – я бы заметил в качестве последней ремарки (отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях) – временами слишком пристальный взгляд, брошенный в прошлое, рискует рассмотреть фрагменты невероятного будущего.

* Статья написана на основании доклада, прочитанного 30 октября 2001 г. на заседании Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН. Публикуется в рамках проекта РГНФ «Геоэкономическая система мироустройства» (проект № 00-02-00215а).

** «Твои дела говорят за тебя» (лат.)

[1] Типология продвижения этого цивилизационного стандарта в окружающий мир косвенно напоминает методы христианизации планеты в предшествующее тысячелетие, процесса, приведшего, в конце концов, к образованию у христианской Ойкумены «внешнего кольца» колонизированного Юга.

[2] В 2000 г., объявленном Римско-католической церковью юбилейным годом, в акциях антиглобалистов заметным компонентом был призыв к прощению долгов беднейшим странам (в соответствии с библейскими нормами отпущения рабов и долгов). О «неподконтрольной народам и правительствам и не знающей пределов власти», сосредоточенной в транснациональных финансовых и экономических структурах, упоминается в концепции социальной доктрины РПЦ. Вообще, в документах, принятых за последнее время на международных встречах религиозных деятелей, отмечается драматичное изменение природы власти, утрата демократически избранными правительствами контроля над ситуацией, а сама «глобальная власть» противопоставляется так и не сложившемуся на планете «глобальному гражданскому обществу».

[3] Кстати, проекты именно класса «*à la* интеллектуальный поп-арт», ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к престижной высокой культуре (“*houtculture*”) или на своего рода духовный материализм и поиск специфического душевного утешения, считаются сейчас весьма перспективными.

[4] Смысл и результат христианского творчества все-таки не спиритуалистичен, а реалистичен, конкретен и даже персоналистичен – его цель не искусство как апогей бесконечного процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект здесь отделяется от какофонии случайного, но человеческая личность отъединяется от греха и его последствий (искажений), так что объект творчества охватывает, в конечном счете, своей рамкой весь мир, не предпреля, однако, при этом результат, но воплощая его в соответствии с милосердием и свободой икономии спасения. Бог создал человека свободным и уязвимым, чтобы, утратив совершенство, он мог приобрести его вновь.

[5] Так, сентенции «Есть многое на свете, друг Горацио...» противостоит почти банальное в своем скептическом реализме «Ничто не вечно под луною...».

[6] Некоторым не слишком приглядным аналогом тут может служить деятельность мафии в «классическом» смысле этого понятия, – т.е. не как преступность сама по себе, а скорее как система управления этим «сумеречным миром», контроля над ним, взимания дани.

[7] Любопытно совпадение привычных «мест обитания» данных идеологий с ареалами преимущественного распространения определенных христианских конфессий (конечно же, не со стопроцентной точностью): коммунизм – православные страны, фашизм – католические, глобализм – протестантские.

[8] В исторической ретроспективе это все же третье потрясение христианского мира, если помнить об отпадении Восточных православных церквей в V-VI вв.

[9] Тогда же, к середине 60-х годов, в России-СССР также ощущается, если до конца и не осознается, стратегический характер создавшейся ситуации, необходимость введения каких-то новых принципов социального и экономического управления, обновления политики. Однако после исторического 1968 г., процесс реформ ставится «на реверс» и консенсус достигается в русле предложенной стратегии детанта. (Эта извилистая тема все еще ждет своего внимательного исследователя.)

[10] «...в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между... «хрематистическим» образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением» и ниже «...капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору» (М. Вебер. Избранные произведения. – М., 1990, С.91).

[11] Подробнее о структуре геоконуса см.: А.И. Неклесса. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе. – Восток (Oriens). 2001, №4.

[12] Мне уже приходилось на страницах журнала «Восток» приводить символический диалог между Дэвидом Паккардом, одним из основателей империи Хьюлетт-Паккард, и Джоном Гейджем, управляющим высшего звена уверенно развивающейся корпорации Сан-Майкросистемс, произошедший в 1995 г. в Сан-Франциско, в знаменитом отеле «Фермонт», где тогда состоялась встреча 500 ведущих политиков, предпринимателей, ученых планеты. «Сколько служащих вам на самом деле нужно, Джон?», так сформулировал Паккард ключевой вопрос. «Шесть, может быть – восемь», – отвечает Гейдж. Ведущий дискуссию профессор Рустум Рой обостряет ситуацию: «А сколько человек в настоящее время работает на Сан-системс?». Следует молниеносный ответ Гейджа: «Шестнадцать тысяч. Но все они, кроме небольшого меньшинства, являются резервом для рационализации».